

Скульптор

Мистификация

Диана Балыко

Действующие лица:

Владимир Петрович Никольский – скульптор

Оля - ученица скульптора, 19 лет

Тамара - жена скульптора

Леночка – дочь скульптора, 17 лет

Мефисто, он же кот, он же друг Никольского Александр Самохвалов, он же режиссер Игорь Орловский, он же бомж, он же министр...

Действие первое

Сцена 1

Темнота. Тьма. Мрак. Тишина. Не видно ни зги. Вдруг ярко, напористо, самоутверждаясь, где-то протяжно завывает кот:

-- Мя-а-а-у-у-у...

...и снова -- тихо и темно.

Неожиданно сверкает молния и гремит гром.

Кот истошно воеет и шмыгает в подворотню. Прямо из темноты, которая начала рассеиваться, двигается сгорбленная фигура человека, несущая на своих плечах Хаос.

Эффектная женщина встает со скамейки и, не оглядываясь, идет прочь.

Юная девочка под разорванным куполом зонтика, вскрикнув, убегает.

Проезжает мужчина на велосипеде. Заржав, мчится лошадь, стуча копытами по мостовой.

Все бегут прочь от человека, который несет на себе Хаос.

Этот человек -- скульптор Никольский.

Он сваливает Хаос с плеч и задумывается. Он явно не знает, что делать дальше с этой бесформенной кучей строительного мусора.

Звонок мобильного телефона.

Никольский: Алло.

В клубах пара появляется женщина, она одновременно говорит по телефону и усиленно драит щёткой подгоревшую кастрюлю.

Сцена 2.

Тамара: Ты собственно домой собираешься ваще тебя двое суток не было дочка уже и не помнит как папаша выглядит ваще от рук девица отбилась ты

отец или где кто с ней по-мужски поговорит мне шкафчик кухонный повесить надо или к соседу идти почему я с рынка сама авоськи с продуктами волоку как лошадь ты ваще где?

Никольский: В мастерской, работаю... Слушай, а памятник Ленину на площади Независимости еще стоит или уже нет?

Тамара: Ты что ваще уже мозги пропил?

Никольский: А Колос на площади? А Горький в парке на скамейке?

Тамара: У тебя ваще не отслойка сетчатки началась а отслойка мозгов если ты идиот не приедешь сейчас же домой ваще я вызову скорую и тебя отправят в Новинки там тебе быстро объяснят где сидит Якуб Колос и почему ваще ты меня слышишь?..

Скульптор отключает телефон на полуслове. Он перебирает руками камни и песок, рассыпанные на полу в стиле японского паркового искусства.

Сцена 3

...В мастерскую нерешительно входит юная хрупкая девушка с огромными глазами.

Оля: Владимир Петрович?

Никольский: удивленно: Я-а.

Оля: Оля:

Никольский: Очень рад. *(неловкая пауза)*

Оля: Можно пройти? Я хочу с вами поговорить...

Никольский: Да, конечно. Может быть, я могу предложить вам чашечку кофе или чай?

Оля: Чай.

Владимир Петрович приносит на подносе чай и деликатным жестом приглашает Олю участвовать в чайной церемонии. Некоторое время они молчат, одинаково грея ладони о чашку чая.

Оля: Вкусно... С бергамотом?

Никольский, улыбаясь: С бегемотом, ага.

Оля встает, подходит к груде строительного мусора: Что это?

Никольский: Хаос. В начале был вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни мира. Все возникло из безграничного Хаоса.

Оля: И любовь?

Никольский: И любовь тоже.

Оля показывает на песок с камнями: А это?

Никольский: Это - море, камни – острова.

Оля: А где люди?

Никольский: Каждый человек – остров. Это – я. Это – вы.

Оля: А это ваша жена и дети?

Никольский: Да, у вас есть творческое воображение.

Оля: Владимир Петрович, подготовьте меня, пожалуйста, в Академию.

Никольский: В смысле?

Оля: Понимаете, это глупо так говорить, но вы – мой кумир...

Никольский: Не понимаю...

Оля: Я хочу быть скульптором.

Никольский: И?

Оля: В прошлом году я провалила экзамены на скульптуру. Пошла работать секретарем, только это все не мое...

Никольский: Ну?

Оля: Я все равно мечтаю ваять. И ищу Мастера, способного научить меня... м-м-м... летать.

Никольский: Как у Булгакова?

Оля: Что?

Никольский: Мастер и Маргарита?

Оля кивнула, отхлебывая чай из чашки: Да.

Никольский: Это все поэзия, милая девушка. Где вы видели мои работы? Что вы знаете обо мне?

Оля: Я видела ваши работы с детства. Я чувствую ваши скульптуры. Они живые. Они дышат.

Никольский: Милая девочка, скульптура романтична лишь на пьедестале. А будни ваятеля в каменной пыли, в сломанных и обкусанных от бессилия ногтях. (*Никольский смотрит на аккуратные наманикюренные пальчики девушки*) Нет. Это творчество не для женщин...

Оля: Вы не понимаете. Я только вошла в мастерскую, и меня сразу словно током ударило: вот! Тут просто средоточие творческой энергии... Атмосфера.

Никольский: Оля! ...Вы когда-нибудь позировали?

Оля: Вы не понимаете... Я хочу быть скульптором.

Никольский: Хорошо. Я буду учить вас. Даже бесплатно. Но только если обнаружу способности. А если нет, то уж простите...

Оля: Я согласна.

Никольский: Приходите завтра. В это же время... Вас устроит?

Оля, уходя: Конечно, устроит. Спасибо, Владимир Петрович, спасибо.

Сцена 4.

Взволнованный Никольский меряет мастерскую шагами, останавливается перед надгробным пластилиновым барельефом молодой женщины. Это заказ. За него обещаны деньги. И сейчас творчество должно уступить место работе. Рядом с барельефом разбросан десяток фотографий улыбающейся женщины, которую сейчас предстоит лепить. Скульптор присаживается на круглый вертящийся стул, прикасается привычными движениями пальцев к пластилиновому лицу. Он начинает ваять. Лепит, поглядывая на снимки, отходит, чтобы заценить работу. В углу мастерской, в полутьме шевельнулась кошачья тень.

Мефисто: Что-то не то, Владимирррр Петррррович...

Никольский: Сам вижу... Чего-то не могу схватить...

Мефисто: Я понимаю, вы не знали покойницу. Но ведь вам дали столько фотогrrрафий и времени.

Никольский: Она все время улыбается на снимках. А у меня другая задача – сделать серьезный образ.

Мефисто: Вам же за это платят.

Никольский: Естественно.

Мефисто: Так рrrрработайте.

Никольский: Она уже снится мне.

Мефисто: Быстрее, Владимирррр Петррррович. Памятник порrrра ставить.

Никольский: Я стараюсь.

Мефисто: Господи, ну, нос-то поменьше сделайте.

Никольский резко сплющивает нос нервным движением пальцев. Кажется, что он сейчас просто сожмет в ладонях свою работу. Уничтожит барельеф. Но пальцы останавливаются.

Мефисто: Вот-вот, так гораздо лууучше. Мне почти нrrрравится. Как живая...

Никольский: Похоже, можно отливать. Вот, кажется, и заказ выполнил...

Скульптор поворачивается, но никого не видит. Мастерская пуста. Только в углу сидит Кот и вылизывает языком шерстку, слегка мурлыча.

Никольский: Странно.

Мефисто эхом: Ран-н-но говорить «стран-н-но». Му-у-урrrр... Ничего стран-н-ного нет. Мяу-у-у.

Никольский: Кто здесь, а-а?

Мефисто эхом: Я-а.

Никольский: Кто - я? (обходит мастерскую, но никого не видит).

Мефисто эхом: Я-а.

Никольский: Кто здесь я? Да, я тебя... не глядя!

Мефисто эхом: Бляди... Ляди... Яди...

Никольский: Кто здесь, а-а? (обходит мастерскую).

Мефисто: Я. БелорусскоМЯУный кот Мефисто. Мяу.

Никольский: Кот?!

Мефисто: У вас прrrрроблемы со зрением, я знаю. Но со слухом-то все в порядке, Владимирррр Петррррович...

Никольский: Бли-ин, слуховые галлюцинации. Мда. Жена права. Пора лечиться.

Скульптор достает бутылку и наливает себе рюмку.

Мефисто брезгливо: Фу! Пьете всякую гадость. Почечной недостаточности вам, видимо, уже мало. Хочется еще и церрроз получить.

Никольский: Не ваша забота. Пью на свои - не на чужие. (*Выпивает залпом, наливает себе еще*).

Мефисто: Оно и видно. Даже на приличный напиток не хватает.

Мефисто подходит к скульптору, берет в руки бутылку, смотрит ее на просвет. Морщится и выливает содержимое в тазик, стоящий под боком.

Никольский: Ты что делаешь, гад?

Мефисто: Забочусь о вашем здоровье, Владимирррр Петрррович.

Никольский: Так, это уже переходит всякие границы. А ну, пошел вон из моей мастерской! Где ты? Как там тебя - Мефисто? Кс...кс...кс...

Никольский наклоняется, снимает тапок, как будто хочет наподдать Коту... Но Кот куда-то исчезает. Скульптор становится на четвереньки, заглядывает под кусок ткани, прикрывающий незаконченную работу. Кота нигде нет.

Никольский: Что за черт! Или мне все это мерещится, черт?!

Мефисто: Черррт всегда со мной.

Никольский: Где ты прячешься? Выходи, гад!

Мефисто эхом: Ррад, ррад... Ррад меня видеть? Дррраться не будешь?

Никольский примирительно: Не буду.

Мефисто: Ладно. Поверю на слово. (*Появляется*). Вот вам настоящий фрранцузский коньяк. За счет фирррмы.

Он ставит перед скульптором новенькую фирменную бутылку.

Никольский: Чудеса! А зачем ту бутылку было выливать? Между прочим, на последние купил.

Мефисто: Эх, Владимирррр Петрррович! С вашим-то даррром не такую жизнь вы заслуживаете.

Никольский: Я не жалуясь.

Мефисто: Мало того, что семью корррмить нечем - скоро совсем ослепните. Все отверррнуться от вас, рруки не подадут. (*нафосно*) В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвррратишься в землю, из которой ты взят, ибо прррах ты и в прррах возвррратишься. Это прро вас сказано. Я хоть не согласен со стариком по многим вопросам, но прро вас он веррно сказал. В прррах возвратишься!

Никольский: Все там будем.

Мефисто: Мурр-мурр-мурр. Святая прррростота. Святая наивность. Не все. Ладно, так уж и быть. Хочу предложить вам, Владимирррр Петррович, очень выгодный заказ.

Никольский: Кот! Ты хочешь заказать памятник себе на могилу?

Мефисто: Зачем же на могилу? Я, к вашему сведению, бессмертен.

Никольский: Бессмертен?

Мефисто: Да. Но не об этом речь сейчас. Я хочу, чтобы вы изваяли памятник Коту с большой буквы, так сказать.

Никольский: С большой буквы? Ростом с тебя?

Мефисто: Зря иронизируете. Это очень влиятельный Кот Муррррик Иванович! *(неожиданно начинает говорить шепотом, оглядываясь, как будто его подслушивают)*. Вам даже и не снилось, какими богатейшими возможностями обладает Самый Большой Мурррик! Можно сказать, Мурррик с большой буквы!

Никольский иронизирует: Что вы говорите?

Мефисто: Вы получите зрение, больше, вы получите ПРО-зрение, положение в обществе и, между прочим, очень приличные деньги! Так сказать, сорвете банк. Как в казино. Только беспроигрышном. Подумайте о вашей дочке, какое будущее вы ей готовите?

Никольский: Что ты сказал? Дочке?

Мефисто облизывается по-кошачьи: Она у вас присимпатичная малышка.

Никольский: А ну, БРЫСЬ!!! Дочка моя ему нравится, видите ли!..

Кот исчезает. Скульптор, схватив палку, пытается догнать его, но натывается на друга, который неожиданно входит в мастерскую.

Сцена 5.

Никольский: Сашка, ты?

Александр: Ну, само собой. А ты кого ждал?

Никольский: Никого я не ждал.

Александр: Как никого? Я же обещался зайти...

Никольский: Не помню...

Александр: Стареешь, брат. Про друзей забываешь... Не хорошо. Заказ-то закончил? *(отодвигая Никольского, по-кошачьи прокрадывается в комнату)*. Вижу – закончил. Ну, что отметим? *(довольно потирает руки)*.

Никольский: неуверенно: Мне бы домой. Томка волнуется...

Александр: Э-э, дружище, не жмись! Относись к деньгам, как художник! Пришли-ушли.

Никольский: Да, ну тебя. *(обречено машет рукой, разливает коньяк)*

Александр: Так бы сразу. Дело-то житейское. Вчера у меня прибыль, сегодня тебе с заказом повезло... О-о-о, *(берет в руки бутылку, изучает этикетку, вдыхает аромат коньяка)* откуда такая роскошь?

Никольский, нарезая колбасу: Не поверишь...

Александр: А вдруг поверю?

Никольский: Да я сам толком ничего не понимаю.

Александр: А ты расскажи...

Никольский: А что тут рассказывать? Тихо шифером шурша, едет крыша, не спеша. Я, по-моему, с ума схожу...

Александр: Да, ладно тебе. (*ощупывает барельеф покойницы, глядит на фотографии*) Вот ведь черт, у тебя даже жмурики, как живые выходят. Форма, блин, характеры...

Владимир Петрович жестом приглашает приятеля к столу. Коньяк. Из закуски – сыр и колбаса. Приятели пьют коньяк, как водку, и мастерски занюхивают рукавами.

Никольский: Не смей так называть их.

Александр: Шутишь?

Никольский: Не шучу. Это были скульпторы, художники, актёры, режиссёры, поэты, писатели... Всё-таки они люди.

Александр: Люди? (*Ухмыльнулся*). Не все... Но ты прав. Они тебе деньги приносят... (*пафосно*) Бабло побеждает зло (*ржет*).

Никольский: Бабло и есть зло.

Александр подходит к гряде строительного мусора: Дурак, деньги можно делать из всего, даже из воздуха... Мы с тобой столько лет знакомы, а я все никак не могу тебя научить. Вот смотри! (*Александр аккуратно достаёт из сумки кусок ржавой проволоки, воткнутый в гранитный постамент*). Я тут абстрактную композицию изваял. «Адов огонь» называется. Один бизнесмен заказал. Уже три продал, эта четвёртая.

Никольский. (*Рассматривает*). Гм...

Александр. Ты с другого ракурса посмотри. Вот отсюда.

Никольский. Откуда?

Александр. Отсюда.

Никольский. Отсюда? (*Залезает под станок и смотрит снизу вверх*).

Александр. Да нет же – отсюда.

Никольский. Ты знаешь, по-моему, отсюда лучше. Или нет – оттуда. (*Идёт в другой конец*).

Александр. Серьёзно? (*Идёт за ним*).

Никольский. Посмотри сам, отсюда лучше.

Александр. А почему улыбаешься?

Никольский. Ну, богатый ряд ассоциаций... И вообще...

Александр. Ты что – издеваешься?

Никольский. По-моему, откуда на неё не посмотри... со всех сторон хороша!

Александр. Это не «она», а «он».

Никольский. Кто «он»?

Александр. Огонь. Адов.

Никольский. Ты уверен?

Александр. Абсолютно. Можешь мне поверить. А почему улыбаешься?

Никольский. Это не я, а ты улыбаешься.

Александр. Я вполне серьёзно.

Никольский. Я тоже.

Александр. Ну, как?

Никольский. Серьёзно? Кусок дерьма на проволоке. (*Смеётся*).

(Александр упаковывает «Адов огонь» и молча выходит, хлопнув дверью).

Никольский. Ну, извини! Саша! Я же не хотел тебя обидеть!

(Александр возвращается. Видно, что он ранен в самое больное место).

Александр. Я, старик, деньги зарабатываю. Кто платит, тот и заказывает музыку. Хочет клиент «Адов огонь» - будет ему «Адов огонь»! Хочет «Райское яблочко» - будет ему «Райское яблочко»!

Никольский. Извини.

Александр. И вообще, чем твои жмурики лучше моего «Адова Огня»?

Никольский. Саша.

Александр. Нет, ты мне ответь. Я давно хотел тебя спросить. Чем ты лучше меня?

Никольский. Я хуже.

Александр. Кто тебе денег даёт взаймы? Только я. Потому что знаю, что ты всё равно не вернёшь. Молчи! Кто заказы для тебя пробивает, ходит, кланяется, унижается, и всё для того, чтобы семья великого скульптора Никольского не подохла с голоду? Я!

Никольский. Ты же знаешь, что я не умею просить.

Александр. А почему я умею? Скульптуры – это твои дети, их мало вылепить, их надо ещё пристроить, дать путёвку в жизнь.

Никольский. Я так не умею.

Александр. Ты что, думаешь, если тебя приняли в союз художников в двадцать лет, то можно плевать на меня? За что ты меня ненавидишь так, Никольский? Что смотришь? Не нравлюсь? Обиделся?

Никольский. Что с тобой? Я тебя таким впервые вижу.

Александр. А я такой, вот такой, этакий, разэтакий... *(Пляшет).* Вот такой... Давай со мной, ну? Давай, давай... *(Тащит друга за руку танцевать, тот нехотя соглашается, пробует подстроиться под него, но отходит в сторону. Александр танцует один свой безумный танец, садится обессиленный).* А я вот такой...

(Пауза).

Никольский. Знаешь, мне приснился странный сон, очень странный...

Александр. Какой ещё сон?

Никольский. Будто иду я по ночному Минску, а в городе нет больше памятников... Одни пустые постаменты... Ни души вокруг. Только семафоры мигают, мигают... Тихо, как перед грозой и душно... Ленина нет, Коласа, Купалы, Горького, - никого нет. Обелиска Победы тоже нет, только один вечный огонь горит...

Александр. Допился.

Никольский. Я знал, что ты меня не поймёшь.

Александр. Почему же, продолжай.

Никольский. У Лучиано Лаурано, художника эпохи Возрождения, есть картина «Идеальный город», на которой он изобразил своё представление об идеальном городе, но в нём нет места для людей, памятников. Понимаешь? А только пустая площадь, улицы, окна, двери домов раскрытые настежь... Очень красиво и очень страшно... Пустой Минск Вдруг, кто-то сзади спросил меня: «Прикурить не найдётся?» Я повернулся и увидел бронзового мужика из Михайловского сквера. Он наклонился ко мне, а я дар речи потерял... Он пожал плечами и пошёл по тротуару мимо бронзовой незнакомки на скамейке. Та встала, разорвав бронзовые прутья, и пошла к босоногой девочке с дырявым зонтиком. Они взялись за руки и пошли из сквера. Скульптуры сбежали от меня, понимаешь? А я почувствовал, что начинаю задыхаться... Что скажешь?

Александр. Скульптуры сбежали не только от тебя, но и от меня, от всех нас... А почтальона у кинотеатра действительно больше нет. Я там сегодня проходил. И дерево срубили, под которым он стоял.

Никольский. Бреешь! Что за шутки?

Александр. Да точно говорю, нет никакого почтальона!..

Никольский. Неужели это был не сон?..

Сцена 6.

Неожиданно в мастерскую входит жена Никольского.

Тамара: Ну ваще вы даёте опять голубки заседаете?

Никольский испуганно и суетливо начинает метаться по мастерской. Александр молча встает, подходит к Тамаре и галантно целует ей руку. Он в отличие от друга выглядит совершенно трезвым.

Тамара: Я же говорила больше одного бокала пива не пить позже десяти домой не приходите ваще...

Александр: Королева не должна сердиться. Будь снисходительна к твоим рабам. *(усаживает её на стул, снова целует руку).*

Никольский: На чужой каравай роток не разевай. Я хоть и пьяный, а все вижу! Заведи себе жену и сюсюкай с ней.

Тамара: Господи молю дай мне Мудрости чтобы понимать этого мужчину *(указывая на мужа)* Любви и Терпения чтобы прощать его силы же заметь ваще не прошу Господи а то ж прибью его на хрен... А ну, отдай бутылку!..

Никольский прячет бутылку, жена гонится за ним. Александр, не прощаясь, крадучись, выскальзывает из мастерской.

Тамара: Я думала ты работаешь вот *(ставит на стол пакет)* поешь тебе принесла... а ты алкоголик старый...

Никольский: Леночка спит?

Тамара: Еще бы... ребенку завтра в школу ваще-то а на дворе ночь сколько ты дней с дочерью не разговаривал?

Никольский: Знаешь, я придумал ей фасон выпускного платья. Я тут набросал *(роется в бумагах)*.

Тамара: Ты бы лучше денег набросал ребенку джинсы новые нужны а я кухонный гарнитур хочу.

Никольский: Все будет. И гарнитур, и джинсы Леночке, и туфли на шпильках, и платье для выпускного бала. Я завтра получу деньги за этот барельеф.

Тамара: Сколько?

Никольский: Я стараюсь.

Тамара: Это я стараюсь чтобы хоть как-то держаться на плаву...

Никольский: Тома, давай ужинать... *(заглядывает в пакет с едой)*

Тамара: Разные бездарности выбивают госзаказы ставят памятники на площадях... а у тебя даже мастерской нормальной нет... эх ты рохля! Тебе на все наплевать ты даже не знаешь что в доме завелась моль!

Никольский: Ну и что?

Тамара: Я искала ее гнездо повсюду перетрясла все шкафы полки антресоликрупы сухофрукты... где ты думаешь было гнездо?

Никольский: Какая ерунда!

Тамара: Тебе все ерунда!

Никольский: Ну, и где было гнездо, моя хорошая?

Тамара торжествующе: В пылесосе! В пылесосе который ты сто лет не чистил там был инкубатор! *(начинает рыдать)*

Никольский, обнимая жену: В чем проблема? Нашла же!

Тамара, захлебываясь: Это все потому что у меня ШУБЫ нет! И моль с голодухи должна ПЫЛЬ ЖРАТЬ!

Никольский: Хочешь, мы купим тебе шубу?

Тамара: Легко тебе говорить а я дочке деньги на юрфак собираю!

Никольский: Но она же не хочет там учиться! Зачем?

Тамара: С ума сошел дочка скульптора работать пойдет без образования кем продавщицей в киоск?

Никольский: А что?

Тамара: Подонок! *(хлопнула дверью, уходя)*.

Музыка Кото.

Никольский в оцепенении, произнося как мантру: Когда-нибудь я полюблю одиночество и эти ночные прогулки, полные внутренней гармонии, когда я говорю себе: «Как хорошо быть только с самим собой!» И так действительно легко и хорошо, что хочется повеситься... когда-нибудь...

Тамара: Когда-нибудь я полюблю одиночество кухонных паров и молчаливые разговоры с котом.

Никольский: Когда-нибудь я научусь наслаждаться размеренным укладом бессмыслицы, которую мы так трепетно называем жизнью, и даже, наверное, захочу написать об этом невероятно нервный роман... когда-нибудь...

Тамара: Когда-нибудь я полюблю одиночество и равнодушие сухих губ к несуществующим прикосновениям. Когда-нибудь я стану безразличной к запахам мертвых цветов, срезанных в мою честь, которые пора выбросить из вазы... когда-нибудь...

Никольский: Когда-нибудь я полюблю одиночество, но все еще не разучусь верить, что мне все-таки будет кому рассказать об этом.

Мефисто: Когда-нибудь... Так пошлость свёртывает в творог седые сливки бытия...

Никольский, не раздеваясь, ложится спать.

Затемнение

Сцена 7.

Резкий звонок будильника. Хлопок ладонью по крышке. Будильник смолкает.

Никольский: садится на кушетке и натягивает на плечи плед. Художник слегка помят – сон в одежде никому не идет на пользу.

Неожиданно раздаётся стук в дверь.

Никольский открывает дверь. В мастерскую входит Оля, ее лицо обветрено, она потирает озябшие ладони.

Оля: Я пришла... На улице так холодно. Хочется согреться... Чаем... Можно?

Никольский: С бергамотом?

Оля, улыбаясь: С бегемотом, ага...

Никольский: Один момент! (*организовывая чай*) По чашечке – и за работу! Дел сегодня невпроворот. С тобой занятие – раз. Заказ доделать – два.

Оля: Проезжала только что на троллейбусе мимо Михайловского сквера, а вашу скульптуру - девочку с зонтиком не увидела. Ее что на ремонт отравили или совсем убрали?

Никольский: Да нет, тебе показалось.

Оля: Ничего не показалось. Вчера еще была, а сегодня нет. Я переоденусь в халат, можно? (*Выходит*).

Никольский стоит потрясенный.

Из-под покрывала выглядывает Кот, лижет шерстку.

Мефисто: Муррр... Беззащитная девочка под рррванным куполом зонтика больше не может выносить издевательства. Вот и сбежала. На днях опять пьяные студенты нархоза зонтик ей сломали. А даме на скамейке губы и соски красным лаком для ногтей покрасили! Ууужасс... Мурр-муррр...

Никольский: Это опять ты?

Мефисто: Не удивительно, что скульптурра сбежала от нас! Какую культуру эти студенты понесут в народное хозяйство страны, если так обламывают совсем юных девочек?!

Никольский: Брысь! Дались тебе эти девочки. То о моей дочке он заботится, то о скульптуре.

Мефисто: Я забочусь о вашей дочке, как и обо всем подрастающем поколении. *(Вдруг с большим пафосом)*. В чьи руки, я вас спрашиваю, мы передадим дело отцов и дедов наших?!.. Вы посмотрите на эти лица, куда мы идем? Коту к хвосту привязали консервную банку, а говорят: «За Беларусь – край блакитных азер»!

Скульптор запускает в Кота тапком. Кот исчезает, а тапок летит обратно в скульптора. Девушка возвращается, небрежно закалывает волосы, садится на рабочий стул и начинает ваять.

Оля: Вы что-то мне сказали?

Никольский: Нет. Это я так... сам с собой разговариваю - дурная привычка, знаете ли. *(Надевает тапок)*. Давай, детка, покажи, на что ты способна.

Оля. А что я должна делать?

Никольский. Что хочешь. Делай то, что подсказывает твоя интуиция.

Оля, подумав, начинает лепить произвольную композицию.

Никольский ходит по мастерской, размахивая руками, воодушевлено

говорит: Едва ли есть большее из наслаждений, чем наслаждение творить. Что значит сделать скульптуре лицо? Взять кусок материала и удалить все, что лицом не является. Просто?.. Простое ежедневное волшебство художника. Всякое творчество есть по сути своей молитва. Всякое творчество направлено в ухо Всевышнего. Молитва и труд. Любой дар требует большого трудолюбия.

(Где-то совсем рядом замыкал кот).

Никольский: Сколько у нас времени осталось? Нет, не на этом занятии, не сегодня, а вообще... Ответа на этот вопрос ты не найдешь на часах.

(За кулисами протяжно завывает Кот. Оля отвлекается от ваяния, поворачивает голову, удивленно смотрит на мастера).

Никольский: Дорогая, времени у нас осталось не так много. Не так много – вот сколько! Его не так много с самого рождения. И его нельзя тратить попусту. Нужно ценить каждую минуту, каждый сделанный вздох. Понимаешь? Ты многое сможешь сделать, если будешь зациклена не на том, что делать, а на том, кто ты есть на самом деле.

Оля: Я – художник?

Никольский: Да. Ты очень чуткая... ученица...

Оля: Я художник. И эта профессия для меня. Она с большим будущим.

(Сзади пробегает Кот с консервной банкой, привязанной к хвосту, истошно воет).

Никольский: Не думай об этом. Иначе можно сойти с ума. Слава – не главное. Просто твори. Так о чём это я?

Оля: О славе.

Никольский. Ага... Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

Оля: Я не верю в несостоявшихся гениев. Если ты талантлив, то обязательно добьешься успеха.

Никольский: Не все так просто, милая. .

Оля: А у нас есть шанс?

Никольский: Конечно, есть...

* * *

Затемнение. Мефисто бросает камешки в песочное море.

Мефисто: прошёл сентябрь, октябрь, ноябрь... А иногда мне хочется шепнуть как на духу всего три слова: время – убийца, а не лекарь...

* * *

Никольский на мгновение отрывается от ученицы, и, так, чтобы она не заметила, шепчет Коту: Послушай, я понимаю твоё негодование: коту привязали к хвосту консервную банку и все такое... Но при чём здесь я?

Мефисто: Муррр... А почему тапком в меня бррросил? *(Скулит)*. Все норрровят обидеть маленькое беззащитное создание. Никто меня не пожалеет, не приласкает. Смотри, коготок отломался из-за тебя, мурр-мурр... *(Показывает свои острые когти)*.

Никольский: Извини, больше не буду. Но и ты прекрати свои штучки, не то я...

Мефисто: Угрррожаешь?

Никольский: Нет. Прошу. По-человечески... Хотя, что с кота возьмешь?

Мефисто царственно: Ладно. Ступай и не обижай маленьких.

Звучит песня:

Вместе с тобой

1.

*Быть
Вместе с тобой
Не спеша
Плыть
Там где раздета душа
Шаг
В небо а в нем никого
Мало
Целого мира
Для одного*

*Я
Брошусь к твоим ногам
Я
Сердце тебе отдам
Просто глаза закрой
Просто иди за мной
Веришь?*

2.

*Быть
Вместе с тобой
Говори
В ночь
Там где горят фонари
Прочь
Я уходил столько раз
Мало
Целого мира
Без твоих глаз*

*Я
Брошусь к твоим ногам
Я
Сердце тебе отдам
Просто глаза закрой
Просто иди за мной
Веришь?
* * **

Оля продолжает лепить. За ее спиной стоит скульптор, улыбаясь, его ладони нежно накрывают ладошки ученицы. И совершенно непонятно мастер то ли помогает ученице, то ли ласкает ее ладони.

Никольский: Нежно, любя... Чувствуешь форму?

Оля: Чувствую.

Никольский: Здесь нет авангарда и модных тенденций. Но это вечно... Уйдут изломанные линии, неправильность форм, забудутся эксперименты модернистов... Но останется молоко, мычание коровы, запах волос и сеновал...

Ольга перестает лепить, разворачивает лицо к Владимиру, стоящему за ее спиной и просто тонет в его глазах...

Владимир берет Ольгу за руку, ведет к журнальному столику, на котором стоит шампанское, шоколад и два бокала, заранее принесенные Мефисто. Скульптор разливает шипучий напиток по бокалам.

Оля: За то, чтобы сбылись наши мечты.

Мефисто: Чин-чин.

Никольский: Расскажи мне о себе. Я так мало про тебя знаю.

Оля: Все просто. Мать когда умерла, отец запил. Я из дома ушла. У подружки кантовалась. Художественную школу бросила. Потом к бабушке переехала. У нее пенсия – кот наплакал. Жить надо было за что-то. А тут открылся этот ресторан, хозяйева – два кавказца -- через газету наняли на презентацию двух девчонок. Мы с подругой должны были встречать VIP-клиентов, улыбаться, провожать их к столикам. Короче, ничего сложного за хорошие бабки. А вечером оказалось, что хозяйева, ну, так сказать, запали они на нас с подругой конкретно... В общем, пришлось их всю ночь... м-м-м... ублажать... за отдельную плату, конечно.

Никольский: Тебя... м-м-м... обидели?

Оля: Ну, был там один момент... неприятный. Утром, короче, хозяин попросил, чтобы я ему бутерброд сделала. Ну, я, конечно, возмутилась ужасно: что это я ему официантка, что ли?!

Никольский: Бедная моя девочка, раненая моя пташка. Сколько же в тебе всего понамешано...

(Владимир смотрит в ее бездонные глаза, как под гипнозом, у него кружится голова, перехватывает от волнения горло... Мужчина наклоняется, чтобы поцеловать девушку).

Оля тянется к Владимиру, длинными ресницами прикрывает большие глаза, но замирает на полпути, отстраняется и каким-то чужим голосом произносит: Не надо, Владимир Петрович. Вы же – Мастер. С вами все должно быть по-другому. По-настоящему, навсегда... Я не хочу любовницей. Это пошло...

Никольский: Глупенькая моя девочка... Ты -- не любовница, ты -- любимая!

Никольский: ладонью придерживает шею Оли, притягивает девушку к себе, глубоко целует, она отвечает...

Мир крутится, как юла, вновь превращаясь в Хаос. Мастерская погружается во мрак. Неожиданно бьет луч прожектора, он освещает ту часть мастерской, где позирует Оля. Плечи девушки обнажены.....

Никольский: Я хочу вылепить тебя в полный рост, такой, какой вижу – ослепительно юной, с огромными в полнеба глазами, с сумасшедшинкой во взгляде, с неподражаемым взлетом рук... И это будет работа на вечность. Как Венера Милосская.

Оля: Ну, я смущаюсь...

Никольский: Богиня не должна смущаться.

Скульптор подходит к своей модели и трепетно гладит ее ладонями, перепачканными пластилином. Он вожделенно мнет изгибы ее тела, как материал, с которым давно мечтал работать. Он прижимается грудью к ее спине, запутывается в волосах, вдыхая аромат молодости.

Ольга прикрывает глаза и, отвечая на прикосновения, томно шепчет: Мне кажется, все изгибы моего тела созданы лишь для того, чтобы ты мог теснее ко мне прижаться...

Никольский вдыхает аромат ее волос, неожиданная бросается к фотоаппарату.

Никольский: Какой удачный ракурс! Как ты хороша. Давай-давай, вот эту позу Марии Магдалены. Невероятно! Сумасшедше прекрасно. Ммм...

Оля позирует, улыбается.

Никольский: Нет, все-таки ты должна быть актрисой.

Оля: И скульптором.

Никольский: И скульптором тоже.

Вдруг неожиданно Ольга становится серьезной, проникновенно смотрит на Владимира и произносит: Давай с тобой придумаем важное дело, а к нему командировку, чтобы можно было уехать отсюда дня на три, любить друг друга и больше ни о чем не думать...

Никольский: Давай!

Они ложатся на песок. Слышен шум моря, крики чаек.

Оля: Давай придумаем с тобой море. Поедем на его берег, будем пить вино, есть шоколад и целоваться...

Никольский: Давай!..

Оля: Давай придумаем розы. Насыплем лепестки ворохом на кровать и, сходя с ума от запаха, растворимся в музыке встречных движений...

Никольский: Давай.

Оля: Давай с тобой придумаем мороженое. Пойдем в кафе и будем кормить друг друга из ложечки...

Никольский: Давай...

Оля: Давай придумаем с тобой друг друга...

Неожиданно Ольга начинает плакать.

Никольский: Что с тобой, моя девочка?

Он берет ее на руки, как маленького ребенка, садиться, положив голову своей ученицы себе на колени, начинает гладить волосы, успокаивая.

Ольга всхлипывала и бормотала: Я хочу, чтобы ты заплакал на моей груди, стесняясь своих слез, от всепоглощающей нежности обладания мной. Я хочу, чтобы ты благодарил своего... моего, какого угодно бога за нашу встречу. Я хочу, чтобы ты плакал, не потому что я самовлюбленная эгоистка, а потому, что хочу, чтобы ты так ярко, так сильно любил, чтобы ты испытал это великое счастье. А я... Я просто умру от одного твоего взгляда или прикосновения. Умру, чтобы воскреснуть и снова умереть от любви.

Никольский: Милая, милая, милая... Разве что-то не так?

Оля: Все так... и не так...

Никольский: Что тебя беспокоит?

Оля: Я не знаю... Или знаю? Забудь. Я просто дура.

Оля хватается за плащ и выбегает из мастерской. Входит Кот.

Сцена 8.

Мефисто: Да, Владимирррр Петррррович... Все покоя мне не даете. Как там у вас людей говорят: «Седина в бороде, бес - в ребррро».

Скульптор снимает с ноги тапок и грозит Коту.

Мефисто: Молчу, молчу... Жаль только, что забота о чужой дочке так поглощает вас, что на свою собственную времени не остается. А девочка совсем от рук отбилась...

Никольский: Что ты знаешь?

Мефисто: Не больше, чем все остальные.

Дверь мастерской распахнулась, в нее вошла Лена – дочь скульптора. Мефисто просто растворяется в воздухе.

Сцена 9.

Кажется, Лена немного навеселе (или под кайфом?). Она вваливается в мастерскую в рваных джинсах...

Лена: Папка, превед, можно я у тебя перекантуюсь ночь? Мамке позвони, чтоб не волновалась.

Никольский, подходя к дочери: Ты пила?

Лена: С ума сошел!

Никольский: И курила?

Лена: Зуб даю!

Никольский: У тебя волосы пахнут сигаретами.

Лена: Ну?

Никольский: Ты такая юная еще!

Лена: Ну...

Никольский: Ты меня слышишь?

Лена: Ну...

Никольский: Лена! Ты расстраииваешь мать! Что это за рванные джинсы? Сленг? Ночные дискотеки?

Лена: Это тусняк, блин. Молодежь. Моя компания, блин. Так делают все. Тебе этого не понять. Ты старый. Твои песни крутят на радио «Ретро» и этим все сказано. Ясно?

Никольский: Не ясно! Девочка в семнадцать лет должна ночевать дома, а не шляться по улицам. Потому, что ты съехала в учебе, потому что из-за тебя плачет мать.

Лена: Из-за тебя она плачет.

Никольский: Не смей так с отцом говорить!

Лена: Как заслужил, так и говорю! Ты – чужой! Понимаешь? Чужой... Ты ничего обо мне не знаешь. Что тебя интересует вообще, кроме скульптур и шлюх?

Никольский: Ты хочешь на учет в милицию? Или на иглу сесть? Что тебе больше нравится?

Лена: Ничего.

Никольский: Мне, между прочим, насчет тебя участковый звонил.

Лена устало, голосом зрелой женщины: Не ври.

Никольский: А как думаешь, я узнал, где ты болтаешься?

Лена: А мне все равно...

Никольский: Ленка, ну, что мне с тобой делать?

Лена, убегая: На себя лучше посмотри...

Уходит, хлопнув дверью.

Сцена 10.

Музыка Кото. Тамара в японском кимоно совершает чайную церемонию, ухаживая за мужем.

Тамара: Я соскучилась (*придвигаясь все ближе*)...

Никольский: Я устал.

Тамара: Родной, я сниму твою усталость...

Никольский, поворачивается к жене спиной.

Тамара обиженно: Наперекор тому, что у каждого человека есть свои тайны, я иногда хочу рассказать тебе все-все-все, в чем даже себе боюсь признаться. Рассказать и оказаться перед тобой маленькой беззащитной девочкой, совсем безоружной. Каждый день отдавать тебе по крупичкам мою самую большую тайну и сделать мою жизнь нашей.

И только, когда я однажды пойму, как мне одиноко рядом с тобой, и насколько твой голос стал мне чужим, я вдруг пойму, что не могу сказать тебе об этом.

Никольский: Тома, надоело. Я устал все это слушать!

Тамара: Почему на моей планете все время идет дождь? Холодный и безрадостный. Серыми ручьями размазанной небесной туши стекает по стенам домов, падает с деревьев, безжалостно заливает меня. И когда мне становится невыносимо мокро, я раскрываю над головой свое небо. Не такое большое, как настоящее, но и не такое серое и холодное. Мое небо – складной китайский зонтик, который, как валидол, на всякий случай я держу в сумке.

Никольский: Елки-палки, сколько можно! Иди домой!

Мефисто сверху сыпет на зонтик песочный дождь. Маленькие камешки весело прыгают по полу.

Тамара: Разноцветный зонт – единственное спасение от дождя. Я почти все время под этим куполом с веселеньким рисунком. И под него тянутся люди. Они думают, что я такая же радостная и разноцветная, как мой зонт. И они суется, болтают о пустяках, строят грандиозные планы. Зонту что? У него работа такая – сверху льется, снизу течет. А у меня – глаза. Но в них, понятное дело, никто не заглядывает, потому что там все время идет дождь.

Никольский: Тома, не выводи меня из себя! Я должен работать!

Тамара: Вовка я так устала я не вижу тебя целыми днями кому я готовлю ужин почему я жду тебя до двух ночи почти каждый день Ленка тоже где-то шатается по ночам она совсем меня не слушается поговорил бы хоть с дочерью ты же отец или что за пакет ты спрятал?

Никольский: Тома, у меня совершенно нет времени. Я много работаю, плюс готовлю девочку в Академию...

Сзади появляется Оля. Пока муж с женой выясняют отношения она расчёсывает волосы, переодевается в ночную рубашку и ложится за занавеской.

Тамара: Конечно с чужой дочкой гораздо интереснее и я кстати не понимаю почему ты не берешь с нее денег за подготовку!

Никольский: Она из бедной семьи...

Тамара: А ты Дед Мороз или держишь меня за дуру она твоя любовница старый козел?!

Никольский: Ты с ума сошла! Она – ребенок, ангел!

Тамара: Ангелы чужих мужей не уводят.

Никольский: Милая, успокойся.

Тамара: Я тебе дочь родила.

Никольский: Конечно...

Тамара: Я тебе носки стирала двадцать лет...

Никольский: Конечно...

Тамара: Я не хочу чтобы какая-то молодая вертихвостка увела у меня мужа.

Никольский: Ну, что ты, родная. Она – просто ученица.

Тамара: Тогда пусть платит!

Никольский: Ну, вот опять двадцать пять. Ты меня совсем не понимаешь!

Тамара: А она понимает?

Никольский: А она понимает!

Тамара: И поэтому ты лепишь ее?

Никольский: Леплю!

Тамара: Ты ее любишь?

Никольский: Люблю!

Тамара: Подонок!

Тамара, с размазанной по лицу тушью, уходит.

Никольский ложится в постель к Оле.

Затемнение

Сцена 11.

Входит Орловский – Мефисто под громкую музыку из какого-то голливудского фильма, у него кошачьи повадки.

Орловский. Эй, лежебоки! Я не помешал?

Оля. Ой! Извините. Я сейчас.

Оля, закутавшись в плед, убегает переодеваться.

Никольский. Ты чего так рано?

Орловский. Сам же просил придти. Дверь у тебя открыта. Это она?

Никольский. Она. Хороша?

Орловский. Худышка. Сначала я снял с неё блузочку, потом юбочку, колготки, лифчик и трусики. И вот передо мной голая бельевая верёвка!

Никольский. Дурак! Что ты понимаешь в женщинах?

Орловский. Как всегда – ничего!

(пауза)

Орловский. Я серьёзно. Посмотри на неё профессиональным взглядом, как на актрису. Ну, сам понимаешь...

Входит Оля.

Никольский: Познакомьтесь. Это Игорь Орловский, кинорежиссёр. Это Оля - подающая надежды актриса.

Оля: Ну, какая я актриса, я еще ничего не умею.

Орловский: Не умеешь – научим, не хочешь – заставим. Одри Хепберн тоже вначале ничего не умела. Да вы не бойтесь, я не кусаюсь.

Оля: А вы настоящий режиссер?

Орловский: А что, не похож?

Оля: Нет, просто я впервые вижу живого режиссера.

Орловский: А мне нравится ваша наивность. Это как раз то качество, которого нет у современных актрис.

Никольский: Игорь, чай, кофе?

Орловский: Потанцуем! Но если серьезно, то – молоко. У тебя молочка не найдется?

Никольский: Молока?

Орловский: Да, люблю молочко. Нам, режиссерам, за вредность полагается. Работа, знаете, тяжелая - мышей ловить. За день так накувыркаешься, что к вечеру в сон клонит. А по ночам у нас, да будет вам известно, самая работа.

Оля: По ночам?

Орловский: Да, наивная моя девочка, по ночам у нас самое творчество начинается. Такие замыслы рождаются - аж искры из глаз летят!

Никольский: Молока нет. Есть коньяк французский.

Орловский: Я пью только «Remy Martin» XO.

Никольский, доставая бутылку, разливая по бокалам: Как же, как же. Напиток должен соответствовать замыслам. Жизнь прекрасна и удивительна, если выпить предварительно!

Орловский встал, поднял бокал: За то, чтобы нашим работам достались крепкие пьедесталы в искусстве, а нашим друзьям – устойчивые министерские кресла. И тогда они позаботятся о наших «постоянных должностях».

Никольский: В искусстве на постоянную должность может рассчитывать только один человек -- ночной сторож.

Оля: А политики вряд ли станут заботиться о художниках. Им это ни к чему. Каждый политик должен заботиться о больницах и тюрьмах, потому что он рано или поздно попадет в одно из этих мест.

Никольский: Ну и за здоровье само собой.

Орловский: Нет, Володя, в жизни художника главное не здоровье -- главное бессмертие! Знаете, Оленька, кельты так верили в бессмертие, что у них можно было занимать деньги, с тем обещанием, что возвратишь их в ином мире. *(поглядывает на Никольского, тот морщится).*

Оля вздыхает: Жаль, что бессмертие стоит нам жизни.

Орловский: Кстати, Володя, в городе чего-то не хватает. Где памятники? Я тут по проспекту проезжал, парочки не досчитался.

Никольский напряженно: На реставрации.

Орловский: А, может, они тю-тю...

Оля: Что значит тю-тю?

Орловский: Сбежали. А че им тут делать? На Горького птицы гадят. Можно и обидеться. Колоса, наверняка, трясанка напрягает. Ну, а Ленину сам Бог велел уйти после окончательной неудачи реализации его утопических идей.

Оля шепотом Никольскому: У него, кажется, хвост торчит из-под пиджака.

Никольский: Тебе показалось.

Оля: А давайте про кино. Над чем вы сейчас работаете?

Орловский: Замысел новой картины у меня давно созрел. Вот только актрису на главную роль не могу найти.

Никольский, указывая на Ольгу: Да она перед тобой.

Орловский: А что, чем черт не шутит? Оленька, вы не боитесь, что я вас съем?

Оля: Нет. А что это у вас там - хвост?!

Орловский: Где? *(Вертится, пытаясь схватить себя за хвост).* В самом деле - хвост! Ха-ха!..

Никольский: Игорь, опять твои шуточки!

Орловский: Ну-с, Оленька, чем будете удивлять? Может, споете? Володя говорит, вы прекрасно поете.

Никольский: Действительно, может, споем? Дуэтом. Только мы не репетировали давно.

Орловский: Пустяки! Обожаю импровизации! Настоящий артист обязан уметь импровизировать. Вот как я, например.

(Достает у Оли из кармана цветок, надевает ей на палец кольцо).

Оля: Ой, что это? Настоящее?

Орловский: Пустяки. Реквизит. Вот сыграете главную роль в моей новой картине - подарю вам настоящий перстень с бриллиантом. А пока – песня! *(передает гитару)*

Оля начинает. Владимир подхватывает.

*Я пришла к тебе с рассветом –
Просто дождь стучал по лицам.
Ты стоял, рукоплеская.
Ты подумал: “Вот ведь птица”.*

*Только я была не птица.
И не рыба. И не кошка.
Я была морская львица.
Тихо села на окошко.*

*И загадочно на ветер
Целый вечер просмотрела.
Ты вокруг поставил свечи
И чертил окружность мелом.*

*Ты хотел меня оставить,
То ли в доме, то ли в сердце,
Только я совсем другая –
Просто песнь для иноверца.*

*Растворилась на окошке,
То ли рыба, то ли птица,
То ли львица, то ли кошка.
А тебе ,мой друг, не спится.*

Орловский: Bravo! Bravo, Оленька! А кто автор слов?

Оля: Володя. Владимир Петрович.

Орловский: А Володя, оказывается, еще и стихи пишет?

Никольский: Есть грешок.

Орловский: Так вот значит, какая у тебя Галатея?

Никольский: Она не Галатея, я не смогу ее разбить.

Орловский: Не сможешь ты, сможет она. Се ля ви.

Никольский: Она - ангел.

Орловский на ухо Никольскому: Ангел с блядскими глазами.

Никольский: Что ты сказал? Повтори! (*Хватает его за грудки, бросает на пол, кажется, он сейчас его убьет..*)

Оля бросается разнимать: Мальчики, тихо! Вы перебрали! Все хорошо. Просто коньяк ударил в голову.

Орловский встает, отряхивается: Ольга, не волнуйтесь. К Вам эта драка не имеет никакого отношения. Мне пора. Я тут достал приглашение на прием в американское посольство для деятелей культуры, если получится - приходите. (*Положил на стол конверт*). А мне пора мышей ловить, ха-ха, милый ангел... (*Уходит*).

Никольский тяжело дышит.

Оля, обнимая Владимира: Ну, зачем ты полез в драку? Так мы идем на банкет?

Никольский: Какой банкет?

Оля: Ну, деятелей культуры. Орловский пригласил (*разглядывает конверт*).

Никольский: Да какой из меня деятель! Опять буду не в своей тарелке.

Оля: Ты - член Союза художников. Там, наверняка, будет весело. Бесплатное угощение.

Никольский: Запомни: бесплатным бывает только сыр в мышеловке.

Оля: Глупый, это такой шанс.

Владимир обнимает Ольгу, целует, шепчет...

Никольский: Страшно уйти, но страшнее остаться.

Нежно целую подушечки пальцев.

Глажу твои надключичные ямки.

Строю-рисую воздушные замки,

Вдоль позвонков я блуждаю губами

И не гадаю, что станется с нами.

Я принимаю игру за основу.

Оля: Тише, любимый, ни слова, ни слова...

Гаснут свечи...

Затемнение

Сцена 12.

Слышен звук набора телефонного номера. Длинные гудки. Еще один набор. Разговор.

Тамара: Алло Саша?

Александр: Привет, Томочка!

Тамара: Ты не знаешь где этот абормот ваще трубку не поднимает всю душу из меня вынул и потом я скучаю мне бы поговорить с тобой а цветы твои до сих пор живы в вазе стоят так трогательно.

Александр: Володя, наверное, работает...

Тамара: Ага работает все заказы проворонил уже два месяца от него ваще денег не видела а тут еще с леночкой что-то неладное твориться она мне ни в чем не признается но я как мать чувствую а этот ваще ничего и потом (*в голосе слезы*) я у него в мастерской такое нашла я бы тебя хотела ну хоть увидеть что ли а ты бы с ним короче.

Александр: Прости, я ужасно занят и давно у Володи не был... Думаю, они, в смысле, он... в мастерской.

Тамара: Ладно спасибо поняла извини...

Сцена 13.

Рассвет.

Никольский оживает в объятьях Ольги. Шепот.

В мастерскую врывается Тамара.

Тамара: Я так и знала.

Оля натягивает на себя плед: Извините. А вы кто?

Тамара начинает истерично смеяться.

Никольский в семейных трусах.

Оля хочет убежать переодеться.

Тамара останавливает ее: Нет уж куда уж давайте всей семьей чай пить с утра а что еще с утра делают Оля или как вас там зовут ваше?

Никольский, надевая рабочий халат: Тома, отпусти ее, нам нужно поговорить.

Тамара: Вот и поговорим втроем (*крепко держит Ольгу за руку, та вырывается*) Муж жена и любовница наша лучше всех.

Ольга дергается, вырывает руку, задевает рукой банку с черной краской, стоящую на полке. Банка падает, разбивается. Краска брызгает на Тому, Ольгу и Никольского, пачкает одежду, руки, ноги. Тома продолжает хохотать.

Тамара: Вот в грязь-то какую вляпались и все причем.

Никольский: Тома, успокойся. Это наше личное дело. Оля, оставь нас, пожалуйста...

Оля: Простите, извините, вы испачкались, мне пора...

Оля судорожно хватает одежду, одевается быстро.!

Тамара смеется еще громче. Ольга уходит.

Тамара неожиданно серьезно: Бесконечность не предел.
Осень может длиться вечно.

Я, отринув бездну дел,

Примеряю пояс Млечный.

Никольский: Я люблю тебя до звезд,

До луны, сто раз обратно.

Что серьезно – не всерьез.

Даже сны мне непонятны.

Тамара: Ненавижу!

Никольский: Ну, что ты, родная...

Тамара: Не-на-ви-жу!

Никольский: Я не бросаю тебя, милая...

Тамара: Я тебе не милая!

Никольский: Ну, прости... Я виноват...

Тамара: Ты виноват да ты предал меня! Я ли не закрывала глаза на твои измены?

Никольский: Тома...

Тамара буднично: Будет время -- зайди за вещами. (*уходит*)

* * *

Мурлыкая, выходит кот.

Мефисто: Муррр... Ну, какой же ты урррод!

Никольский в бешенстве, снимая тапок с ноги: Что тебе надо, черт?!

Мефисто: Не произноси мое имя в суууе, муррр... Тупой уррод. Пошто жену обидел?

Никольский: Гад!

Мефисто: Сам знаю, что ты гад. Беги за ней. Может, еще не все потеряно. Столько лет, дочка, привязанность...

Никольский: Никуда я не побегу. Поздно. Что сделано – то сделано. Битая посуда не клеится. Художнику важно любить!

Мефисто: Художник! Пустое место ты, а не художник.

Никольский: Сгинь, нечистая сила!

Мефисто: Не понимаю я твоего упрямства...

Никольский бросает тапок: Сгинь, нечистая сила!

Мефисто, потирая бок: А за это ты еще ответишь, ррраскаешься еще! Больше я к тебе не приду!

Никольский: Куда ты денешься, нечисть?! Все, хватит, меня Оля ждет.

Сцена 14.

Вбегают возбужденная и деловая Оля.

Никольский: Малыш, ты где была?

Оля: Мне в салон надо причёску сделать. Я на минуту. Орловский достал приглашение на банкет в американское посольство...

Никольский: Ты можешь не ходить туда?

Оля переодевается: Ну, как ты не понимаешь! Посольство, банкет... Там будут ТАКИЕ люди... Это же шанс. И потом Орловский обидится... Неудобно как-то. Человек так старался... И главная роль. Ты ведь сам хотел ее для меня.

Никольский: Я понимаю. Это шанс. Извини...

Оля ходит по мастерской и собирает свои вещи в сумку: Нет. Это ты меня извини. Я приеду, как только освобожусь. Ладушки, мой хороший?

Никольский: Я буду ждать... До завтра?

Оля: Не-е-т. Завтра у меня пробные съемки. Позвоню, как только освобожусь.

Никольский: А вещи тебе зачем с собой на банкете?

Оля: Домой заеду, брошу постирать. Ну, пока.

Никольский: Ты меня бросаешь?

Оля: Что за глупости, Володя!

Никольский: Я ушел из семьи!

Оля: Дурацкая шутка!

Никольский: Это не шутка – я хочу быть с тобой. Всегда!

Оля: Глупости! Ты зачем ушел из семьи?

Никольский: Я хочу быть с тобой!

Оля: О, Боже! Извини.

Никольский: Что случилось?

Оля: Ничего. Я – земная женщина. Я просто хочу тепла, и ... совсем не понимаю твои скульптуры. А тебе не нужна женщина, ты хотел найти поклонницу своего дара, своей мужественности, своего величия:

Никольский: Что?

Оля: Володя, ты был прав. Скульптура романтична лишь на пьедестале. А будни ваятеля в каменной пыли, в сломанных и обкусанных от бессилия ногтях. (*Оля смотрит на свои наманикюренные аккуратные пальчики*). Нет. Это творчество не для женщин...

Никольский: Не понимаю...

Оля: Ты же сам говорил, что девушке лучше стать актрисой или певицей. Я буду актрисой, Володя. Я поняла, что это гораздо ближе мне. И потом Орловский...

Никольский: Что?

Оля: Он предложил стать его женой.

Никольский: Ты не можешь быть продажной! Девочка моя!

Оля: Я не продаюсь! Но я сама куплю, что захочу.

Никольский: Но я же...

Оля: Да, ладно... Мне нужны дом, машина, мое лицо на обложках журналов и хороший регулярный секс. Все очень просто. Извини.

Никольский: Оля, ты убиваешь меня...

Оля: Сейчас не умирают от любви. Извини, меня ждут...

Оля выходит из мастерской, прижимается спиной к ее холодной стене и кусает губы, сжимает кулаки, тихо воет...

Оля: Стерва, стерва, сука, ненавижу...

Сцена 15.

Никольский: Все ранят, любимые -- добивают.

Скульптор достаёт откуда-то бутылку водки, начинает пить её из горла, обливаясь, обжигаясь.

Неприкаянно бродит Никольский по мастерской, долгим взглядом смотрит на незаконченную скульптуру Ольги. Сдавливает ладонями её лицо, уродует его. Крушит всё подряд. Срывает фотографии Ольги со стен, обливает их ацетоном, поджигает. Взрыв. Полыхнуло пламя прямо в лицо скульптору. Он падает и остаётся лежать неподвижно.

Появляется Мефисто вместе со своими помощниками. Они подготавливают лицо скульптора к ритуалу снятия посмертной маски: обкладывают плёнкой, разводят с водой гипс и заливают им лицо скульптора. Огонь. Хаос маятником шатается по мастерской. Мефисто дирижирует хором и оркестром. Звучит музыка оперы Стравинского «Царь Эдип», финал.

Слышно, как дверь мастерской забивают досками...

Конец первого действия

Действие второе

Сцена 1(16).

Звучит песня:

* * *

*в теплых ладонях отравлена пища
ты пригуби и окажешься нищим
только попробуй вина из бокала
мир улыбнется звериным оскалом
однажды*

*наши надежды кого-то ломают
планы зимы разрушаются в мае
камни за пазухой – рвется одежда
в небо стремиться ночами как прежде
нам страшно...*

*жизнь как наркотик с правом на вылет
каждая пуля в сердце остынет
поступью лисьей крадемся за светом
в кровь прогрызаем любые ответы
как волки*

*разные цели и разные люди
мимо друг друга спешим и не будем
вместе летать прячем блюзы улыбок
в горечи слов разбиваются глыбы
в осколки
* * **

Сцена 2 (17).

Скульптор с повязкой на глазах входит в мастерскую. Он один... Рядом никого. Никольский стоит в нерешительности и молчит, прислушиваясь к звукам внешнего мира. Ведь теперь мир для него превратился в звуки и запахи. Никольский втягивает запахи носом. Он ловит что-то чужеродное, незнакомое... И это не следы взрыва, это запахи чужой жизни, чужой жизни в его мастерской. Скрипит дверь.

Никольский: Кто здесь?

Бомж тихонько входит в мастерскую.

Никольский: Кто здесь?

Бомж тихонько опускает авоську с продуктами на пол, вытягивает из кармана плаща Никольского, в который он одет, бутылку чернил и начинает подкрадываться к скульптору.

Никольский: Кто здесь?

Бомж затаился.

Павел: Ладно, брат, хватит тебе. Живу я у тебя. Бомж. Дверь была открыта. Вот и вошел... Ну, прости, что ли...

Никольский хватает мужчину руками и начинает ощупывать его лицо.

Никольский: Давно ты тут?

Павел: Да вот уже с месяц. Есть будешь?

Никольский: Буду.

Павел: Давай, садись. Я щас сварганю.

Бомж усаживает Никольского и приносит еду.

Павел: Ешь, сил набирайся. Из больницы что ли? Пахнешь так, по-больничному.

Никольский: Да, из больницы.

Павел: Ну, раз пришел хозяин, я уйду...

Никольский: Куда?

Павел: На Кудыкину гору. Куда мне еще идти?..

Никольский: Тебя хоть звать-то как?

Павел: А оно тебе зачем?

Никольский: Станный ты... Живешь в моем доме, а представиться не желаешь...

Павел: Павел.

Никольский: А я Владимир.

Павел: Да понял я уже, буклетов тут твоих понасмотрелся.

Бомж собирается уходить.

Никольский: Не уходи.

Павел: Выпить хочешь? Ты чего ослеп? Как это случилось?

Никольский: По-дурацки. Много лет глаза берег. Проблемы были. Отслойка сетчатки началась. Знал, что когда-нибудь это случится, но думал, что постепенно и не так скоро, типа, успею привыкнуть...

Павел: Ты что? К этому не привыкают!

Никольский: Ко всему привыкают... Но занятно все вышло, из-за бабы, как всегда. Напился, поджег ее фотографии, полыхнуло, взорвалось и унеслась жизнь в Тартарары. И знаешь, что самое обидное?

Павел: Что?

Никольский: Перед этим взрывом я успел всех растерять, со всеми перессорился. Я всех близких обидел. И когда я подыхал, никто ко мне не пришел. Никто. Понимаешь?

Павел: Но так даже легче -- я по себе знаю.

Никольский: Кто меня еще не предал? Глина. Гипс. Пластилин. Только они. Что же мне делать теперь?

Павел: Просто начать работать! И сделать столько, сколько успеешь.

Никольский: Ради чего? Кому и что мне теперь доказывать?

Павел: Ни ради чего-то, а просто для себя, получая удовольствие

Никольский: Не знаю...

Павел подносит стакан Никольскому: Ты выпей, легче станет.

Никольский жадно пьет.

Павел: У всех своя правда. Я вот тоже не у бога за пазухой. Пока сидел, жена со мной развелась и из квартиры выписала, а мамка умерла. Мне и пойти не к кому. Простая такая история. Житейская. Ну, что мне на себя руки наложить? Ну, не берут меня на работу после отсидки и без прописки... На зону что ли вернуться? Один выход...

Никольский: А знаешь, я еще понял, что Солнце может взорваться не для всех, а только для тебя одного. Оно – твое Солнце – достигает критической температуры и бах! Взрывается только в твоем мире, в твоей Вселенной, вернее в моей...

Павел: Ты бредишь... Да у тебя лоб горит... Устал ты, гражданин начальник.

Павел подводит Никольского к кушетке, укладывает, заботливо накрывает пледом, начинает прибираться мастерскую.

Никольский: И о жизни в целом мы не знаем практически ничего...

Павел: Ты спи, спи, утро вечера мудренее...

Никольский, засыпая: Уснуть без сновиденья и слушать грай вокруг,
Чтоб словом осужденья тебя не вспомнил друг.
Уснуть без пробужденья, лежать лицом в овраг,
Чтоб словом во спасенье тебя не вспомнил враг.
Уснуть, как кануть в Лету, и спать без задних ног,
Чтобы никто на свете тебя поднять не мог.

Павел: Бедный философ...

Сцена 3 (18).

Затемнение. Пластическая сцена. Скульптор бродит среди людей-кукол, сталкивается с ними, падает, поднимается, тянется рукой к фонарю, висящему высоко над его головой, фонарь взрывается.

Никольский: Пашка, ты где?

В углу мастерской в кресле спит Павел.

Павел: Да, тут он я.

Никольский: А ты за что сидел?

Павел: Да не все ли равно. В тюрьме виноватых не держат. Туда все по ошибке попадают. Так уж повелось. Долгая песня...

Никольский: Мне кажется, я еще смогу что-нибудь слепить.

Павел: Конечно, сможешь, если перестанешь думать о смерти.

Никольский: Паша, а ведь я скоро действительно умру и действительно не успею, не смогу слепить свою лучшую скульптуру, и уже никогда не стану богатым и знаменитым. Что мне осталось – одному, покинутому, раздавленному, без друзей, без родных?

Павел: И все-таки... все-таки ты можешь лепить. Можешь хотя бы попробовать...

Никольский: Попробовать... Там кто-то есть?

Павел: Где?

Никольский: Там, за дверью...

Павел тихонько выходит из мастерской.

Сцена 4 (19).

В мастерскую тихо входит Оля.

Никольский: Кто это?

Оля: Господи, Володя, что с тобой?

Никольский: Зачем ты пришла?

Оля: Что с тобой, Володенька? Боже... Ты теперь живешь тут один?

Никольский: Ну, ты же не захотела...

Оля: Всего три месяца прошло...

Никольский: Лучше ты расскажи, какие новости?

Оля: Съёмки почти закончились... Думаем совместить свадьбу с премьерой... Извини.

Никольский: Все нормально.

Оля: Как это с тобой произошло?

Никольский: Шел, упал, очнулся – гипс.

Оля: Ты прости меня, Володя. Я звонила тебе. Но номер заблокирован.

Никольский: Да, я никого не хочу слышать.

Оля: Понимаю. Но я решила придти, чтобы сказать, что, на самом деле, я очень, **ОЧЕНЬ** благодарна тебе за все. За прекрасный мир искусства, который ты для меня открыл, и за знакомство с Орловским, конечно...

Никольский: Тебе не за что меня благодарить...

Оля: Есть за что!

Никольский: Тогда... Тогда оставайся. Ты нужна мне!

Оля: Володя, перестань! Не заставляй меня чувствовать себя виноватой. Я не могу любить только потому, что кто-то любит меня...

Никольский, хватая Ольгу за руку: Скажи, скажи... разве тебе было плохо со мной?

Оля: А ты не заметил? Там всё было. И хорошего было ничуть не больше... Но была одна большая ошибка...

Никольский: Какая? Скажи... Я был плохим любовником?

Оля: Только не это, не то... Это была моя ошибка, не твоя... Мне просто не нужно было к тебе приходить в самый первый раз...

Никольский отпускает Олину руку.

Оля: Ты же – скульптор. Мне пора.

Уходит.

Сцена 5 (20).

Оля стоит на улице, прислонившись к стене мастерской, достает мобильный телефон и набирает номер.

Оля: Здравствуйте, Тамара. Это Оля.

На другом конце провода молчание.

Оля: Вы слышите меня?

Тамара: Слышу.

Оля: Это Оля. Бывшая ученица Владимира Петровича...

Тамара: Как бывшая?

Оля: А вы что ничего не знаете?

Тамара: Чего не знаю?

Оля: Ну, что Владимир Петрович...

Тамара: Так ты его бросила?

Оля: Это, конечно, не мое дело и не мое право... Но мне кажется, вы ему очень нужны сейчас.

Тамара: Возвращаешь мне мужа?

Оля: Можно сказать и так...

Тамара: Не звоните мне больше, девочка!

Сцена 6 (21).

Из-за портьеры выходит Кот.

Мефисто: Мурр, Владимирр Петррович!.. Что же вы с собой сделали?

Никольский: Ты?

Мефисто: Ну, а кому еще вы нужны, кроме меня?

Никольский: А ведь обещал больше не приходить!

Мефисто: Мое слово. Хочу дам, хочу заберррууу...

Никольский: Ну, зачем пожаловал?

Мефисто: О здоррровье вашем справиться... Как оно там в темноте жить?

Никольский: А ты добрый малый, как я погляжу.

Мефисто: Ну, куда же вы поглядите, Владимирр Петрррович?

Никольский: Чтобы видеть не обязательно смотреть.

Мефисто: И то пррравда. Только я к вам не с пррраздным интересом пришел, а с конкретным деловым предложением.

Никольский: Опять?

Мефисто: Не опять, а снова... Памятник надо бы Мурррзнику Ивановичу поставить. А-а?

Никольский: Я-то тебе зачем для этого? Других что ли скульпторов нет?

Мефисто: Другие-то есть. Но Мурррзик Иванович абы кого себе в мастера не берррет. Ему лучшего скульпторра подавай.

Никольский: Да я ведь непризнанный совсем.

Мефисто: О, все это блажь. Людская слава не всегда спррравделива. У Муррзика свои критерии. Он сам все оценивает. Большой Мурррзик о-о-очень благодарррный Кот. Он такое может!!! Тут уж вопрррос не в деньгах стоит, (шепотом) Большой Мурррзик может зрение веррнуть.

Никольский: Не верю я в бесплатный сыр.

Мефисто: А сыррр далеко не бесплатный. Вы – памятник Муррзнику, Муррзик вам – зрение. Все честно.

Никольский: Не бывает с Дьяволом честно.

Мефисто: Ой, не понимаю я вас, Владимирр Петррович! Зачем так артачиться?

Никольский: А почему бы не поартачиться? У меня тебе больше отнять нечего! Семью я разбил, любовь потерял, зрение лишился... Жизнь? Да, я ей не очень-то и дорожу. Зачем мне такая жизнь.

Мефисто: Ба! Семью он потерял? Да не было у вас, Владимир Петрович, никогда нормальной семьи.

Никольский: Какая не была, а все ж моя!

Мефисто: Дочку вы, пардон, профукали...

Никольский: Что с дочкой?

Мефисто: Хотите знать? Сейчас она придёт, а вы посидите здесь незаметно и подумайте... Да вот и она.

Сцена 7 (22).

Мефисто прячет скульптора за портьеру. В мастерскую входит Лена.

Лена: А папка где?

Мефисто: На борроде.

Лена: А вы кто?

Мефисто: Неужто не узнала? Друг папки и твой.

Лена: Много вас, друзей, развелось. Прикурить не найдётся?

Мефисто: Найдётся. А, может, косячок забьёшь?

Лена: А у тебя есть?

Мефисто: Для такой малышки всегда найдётся.

Лена: Давай. Мне теперь всё равно.

(Закуривают травку).

Мефисто: Случилось что?

Лена: Через плечо.

Мефисто: Фу, как грубо...

Лена: Не нравится – канай отсюда на хрен!

Мефисто: *(Обнимает её за плечи).* Заплати за косячок сначала.

Лена: Что, прямо здесь?

Мефисто: Испугалась? Что-то на тебя не похоже. Ленюк.

Лена: Откуда моё имя знаешь?

Мефисто: От верблюда. Папка о тебе рассказывал, он так любит свою доченьку...

Лена: Ага, шлюх он своих любит, а на дочь ему на-а-а... *(выпускает дым изо рта)*

Мефисто: Ты несправедлива к нему...

Лена: Он нас с мамой бросил, променял на эту потаскушку дешёвую... А я даже рада, что всё так получилось... Скоро так папочку обрадую... выблюдка ему подарю, он всю жизнь мечтал о внуке, вот обрадуется!..

Мефисто: Первый раз залетела?

Лена: А я не считала, сколько их было. Какая разница. Ну так что, будем разговоры говорить или делом займёмся?

(Снимает джинсы и бросает туда, где сидит отец за портьерой).

Мефисто: Ой, я что-то стесняюсь. Ну и молодёжь пошла, чему вас только в школе учат?

Лена: Этому и учат.

Мефисто: Может, в другой раз?

Лена: Другого раза может и не быть.

Мефисто: А если папка войдёт?

Лена: Пусть видит свою доченьку без прикрас.

Мефисто: Ты наговариваешь на себя, откуда эта вульгарная манера, Леночка?

Лена: У папы опыт перенимаю. Ну, так что? Или тебя разогреть сначала?

Мефисто: Как это?

Лена: А вот так. *(Делает неприличный жест)*. А может ты любишь лошадкой? Иг-гого!.. Где у нас тут плёточка? Сейчас я тебя постегаяю, а то ты какой-то вялый... *(Хлещет верёвкой, Мефисто убегает от неё)*.

Мефисто: И-го-го!.. Я могу тебе помочь с абортом.

Лена: Мне никто уже не поможет.

Мефисто: И денег дам, и в приличную клинику устрою, так что родители не узнают.

Лена: А с чего это такая забота о заблудшей овечке? Может вы – ангел, ниспосланный на землю?

Мефисто: Ангел? Ха-ха. Скорее, наоборот... Давай покурим травку, нам теперь всё можно.

Лена: Давай.

Мефисто: Ну, вот и хорошо. По очереди, голубка моя. И полетим в астрал. Полетели?

Лена: Ой, что это у вас – хвост?

Мефисто: Где? В самом деле, хвост. Симпатичный, правда?

Лена: Обалденный! Полетели!.. *(Затягивается папиросой)*. Хорошо...

Мефисто: *(Затягивается тоже)*. Сплетаться руками...

Лена: Сплетаться ногами...

Мефисто: Вростая друг в друга, сплетаться стихами.

Лена: И текстами песен...

Мефисто: И музыкой тела...

Лена: Сплетаться сердцами до крайних пределов...

Мефисто: Вливая друг в друга все соки и смыслы, вскрывая губами все тайные мысли...

Лена: Срастаться корнями до верности сучьей...

Мефисто: Вгрызаться зубами в единственный случай, единственно верный, единовозможный...

Лена: Срастаясь сердцами идти осторожно навстречу друг другу в одном направлении...

Мефисто: Согласно закону земных притяжений... Полетели!..

Лена: Полетели...

Танцуют. Улетают в форточку.

Мефисто возвращается, заглядывает за ширму, за которой неподвижно сидит отец.

Мефисто: Ну, как? Эй, папаша...

Дотрагивается до него. Скульптор падает на пол и разбивается на мелкие кусочки, как гипсовая статуя, ползает, пытаясь собрать себя по частям, но всё валится из его рук.

Никольский: За что? Что я тебе сделал? Нельзя быть таким...

Мефисто: Каким?

Никольский: Заботливым.

Мефисто: Это ты верно заметил. Я только и делаю, что забочусь о тебе и о других заблудших овечках. Ибо все там будем...

Никольский: Где – «там»?

Мефисто: Там, где надо. Каждому по заслугам его.

Никольский: Брысь, нечисть!

Мефисто: Зрения лишился? Зачем тебе зрение, если главный шедевр своей жизни лепить отказываешься? Любовь потерррял? Глупости. Ты просто увидел ее без рррозových очков. Так всегда бывает. Вот, к примеррруу, некий мальчик любит некую девочку. Бывает, девочка даже отвечает ему взаимностью. Мальчик видит в девочке ангела - неземное создание небесной чистоты. А потом, если дrrрружба развивается успешно, они становятся ближе, очень даже близки они становятся. И тогда вдрррууг может выясниться, что эта девочка каждый день по утрррам забирррается в туалет и там... какает, фу, фу, фу... И если у мальчика в голове то же, что и в попе у девочки, возможно самоубийство по причине полного ррразочарования в этой говенной жизни.

Никольский: Замолчи! Брысь, нечисть!

Мефисто: Ухожу, ухожу! А ты все-таки насчет памятника подумай...

Никольский: Душу мою хочешь?

Мефисто: Да кому твоя душонка-то нужна?

Никольский: А что тогда?

Мефисто: Даррр...

Никольский: Как же мне лепить незрячему?

Мефисто, исчезая: Серррдцем...

Сцена 8 (23).

Вместе с тобой

*Быть
Вместе с тобой
Не спеша
Плыть
Там где раздета душа
Шаг
В небо а в нем никого
Мало
Целого мира
Для одного*

*Я
Брошусь к твоим ногам
Я
Сердце тебе отдам
Просто глаза закрой
Просто иди за мной
Веришь?*

** * **

*В мастерскую заходит Тамара.
Жена в шоке. Прислонившись к стене, она смотрит на мужа и начинает
медленно оседать.*

Никольский: То-ма?.. Уходи! Ты слышишь меня? Уходи отсюда! Я прошу
тебя, у-хо-ди!

Тамара: Господи что с тобой Володенька?

Никольский: Зачем ты пришла? Как ты узнала?

Тамара: Что с тобой?

Никольский: Уходи!

Тамара: Прости меня прости...

Никольский: За что?

Тамара: Это я во всем виновата.

Никольский: Да в чем ты виновата? Что за чушь?

Тамара: Почему ты мне не позвонил Господи!?

Никольский: Как Леночка?

Тамара: Леночка плохо девочка наша милая все скрывала от нас аборт
сделала а у нее осложнения начались в гинекологии почти два месяца
пролежала бедная но сейчас уже ничего все путем.

Никольский: Как аборт? От кого?

Тамара: На вакуум залетела от какого-то малолетнего придурка даже имени не назвала я уже ребенка не травмировала расспросами.

Никольский: Как же вы там, без меня?

Тамара: Чего я только не передумала и обижалась ваще на тебя жутко но с нами рядом Александр все время был он около Леночки как добрый ангел ни дня не отходил сок гранатовый лимоны витамины цветы с врачами разговоры клинику хорошую оплатил ой чего я только не пережила за эти дни...

Никольский: Бедная...

Тамара: Я бы без Сашки наверное руки на себя наложила он нас с Леночкой обеих вытащил а тут еще ты за что Господи?!

Никольский: Прости.

Тамара: Кто старое помянет я вот Леночке позвонила ее Александр сейчас привезет.

Никольский, обнимая жену: Спасибо.

Сцена 9 (24).

Входят Александр и Леночка.

Лена, бросаясь к отцу: Папка! Прости!..

Тамара, поднося платок к глазам: Так-то вот!

Никольский, обнимая дочь: Леночка, детка моя любимая! Это ты меня прости... Как же все по-дурацки-то...

Александр: Э-э, други, без соплей. Еще чего, нюни разводить! Все живы? И это главное! Сейчас Володя помоеется, переоденется и будем праздновать возвращение!

Тамара и Лена приводят в порядок отца, переодевают его.

Тамара: Что же теперь будет Сашенька?

Александр: Да уж, Томочка... Дела неважные. Нужна операция.

Тамара: Господи ну откуда у нас деньги?

Александр, обнимая Тамару: С деньгами я помогу. Я, конечно, не всемогущий. Но кое-что у меня есть. Если по сусекам поскрести...

Тамара: Сашенька ты наш спаситель...

Александр морщится: Не люблю это слово дурацкое. Не бывает помощи безвозмездной.

Тамара: Я все понимаю Сашенька я для тебя все ну все что ты попросишь только ведь у меня кроме меня и нет ничего...

Александр, по-отечески целуя волосы Тамары: Нет, дорогая, этого уже не надо... Я думаю, мы с тобой можем глобально помочь Володе. И зрение вернуть, и славу, которой он был так долго лишен...

Тамара: Но как сделать-то это?

Александр: Просто все. Деньги на операцию все вместе будем собирать. И Володя тоже. Мне тут один заказ выгодный подвернулся. Я его ему по

дружбе отдам. И если слепой скульптор с ним справиться, а Вовка справиться – я знаю, тут в городе такая феерия начнется, такой бум! Это же УТП – уникальное торговое предложение – слепой скульптор продолжает ваять. Это такой пиар! И заметь – не черный! Это вам не девочек юных соблазнять...

Тамара: Да уж... а от меня что?

Александр: Ты просто должна уговорить его на заказ.

Тамара: И все?

Александр: И все.

Тамара: Так речь о чем конечно уговорю ради такого я все сделаю.

Тамара и Александр сервируют стол.

Тамара, помогая мужу сесть: Володенька, а мы уже стол накрыли.

Никольский: Ну, так давайте ужинать.

Все рассаживаются. Тамара рядом с Владимиром, Леночка рядом с Александром. Александр разливает вино.

Тамара накладывает еду в тарелку мужа, подает ему столовые приборы, вкладывает в руку бокал с вином : С возвращением!

Леночка: С возвращением! Чин-чин.

Александр: С возвращением, брат! У меня тост. Если честно, я всегда завидовал тебе. Твоему мастерству. И вере твоей, непоколебимой вере в искусство. Это мало кому дано. А тебе все завидовали. Все суетились, искали модные тенденции и легких денег, а ты просто лепил, брат. Лепил и верил. Помню, в студенчестве все мы клялись быть верными искусству, не сбиться на ремесленничество, не уйти в другие сферы. А верным ему остался только ты... За тебя! За Тамару! За Томочку, жену и мать прекрасной Леночки. Мы, мужики, что ищем в бабе? Грудь, попу, волосы, ногу точёную... А надо искать основу. Повезло тебе, Вовка...

Выпивают.

Никольский: Да, повезло.

Александр: Вижу. И я думаю, как тебе помочь. У меня тут один заказ есть – чертовски выгодный – я его тебе безвозмездно, то есть даром готов отдать. Очень денежный заказ.

Тамара постоянно подкладывает в тарелку мужу еду: Я тут Володенька все обдумала ты соглашайся на заказ я за твои глаза и душу и тело Дьяволу продам.

Лена: А вот это мама лишнее. Дьявол не на каждое тело позарится. Что за заказ?

Александр, подливая в бокал Никольского вино: Простенький такой заказ. Скульптору с твоим мастерством – раз плюнуть. А заплатит баснословно. Заказчик к тебе зайдет на днях...

Никольский: Да, он, по-моему, заходил уже.

Александр: И что ты?

Никольский: Не могу я

Лена: И что же ты будешь делать, пап?

Тамара: О я знаю он будет ваять бесстыдную шлюху которая уводит чужих мужей а потом бросает!

Никольский: Меня никто не бросал!

Тамара: Ага как же все поломал своей дурацкой интрижкой всю жизнь мою раскурочил ваше.

Никольский назло жене: Это не интрижка, это – ЛЮБОВЬ!

Тамара: Лепи лепи свою Оленьку.

Лена, затыкая уши руками: Хватит ссорится, я этого не вынесу!

Тамара: Всё назло мне всё назло что же я такого тебе сделала?

Лена: Отстаньте все от него!

Никольский: Путь к себе – это путь к одиночеству.

Александр: Ну, вы, ребята сами решайте. Что и как. Мое дело, так сказать, предложить... А в остальном, прекрасная маркиза. Пора мне (*нежно целует Леночку в нос, галантно целует руку Тамаре, исчезает*).

Тамара: Ты что заупрямился осел деньги на операцию все вместе будем собирать и Сашка тебе как друг заказ свой отдает и деньгами нам помочь обещал золотой мужик просто а ты с любой работой справишься. Только представь какая феерия начнется какой бум! Это же уникальное торговое предложение ваше слепой скульптор продолжает ваять. Это такой пиар не черный! Это тебе не девочек юных соблазнять...

Никольский устало: Я подумаю, Тома...

Тамара: Вот и ладненько.

Затемнение.

Сцена 10 (25).

Энергичный, сумасшедший танец всех героев на сцене. Экспрессивный личный разговор с Богом каждого.

Никольский: Научи меня снова плакать...

Тамара: Научи меня снова быть
Беззащитной, как дочь, на вакуум
Собирающаяся...

Оля: Любить

Не научишь...

Мефисто: Любить не учат.

Это вирус сердечных мышц.

Никольский: Научи меня верить в случай.

Лена: Научи меня просто жить.
Тамара: Просто затемно просыпаться,
Мужу печь на завтрак блины,
Штопать, мыть, стирать, улыбаться...
Никольский: Толковать зловещие сны,
Превращая их в нити сказок,
В суетливо-словесную вязь...
Тамара: Научи, сортируя фразы,
Выбирать лишь «жизнь удалась».
Лена: Повезло!
Оля: Нам за все воздастся...
Мефисто: Мы обречены на успех...
Никольский: Научи, не ломая пальцы,
Боль не прятать, прощая тех,
Кто достоин на самом деле
Только пули свинцовой в висок.
Тамара: Научи не судить.
Лена: В апреле,
По утрам березовый сок
Пусть покажется манной небесной
Иль нектаром из райских куш.
Оля: Научи не сорваться в бездну,
Баснословный срывая куш.
Все вместе: Научи!
Мефисто: и... спустись. На равных
Потолкуем о том, о сем.
Никольский: Я тебя научу, как раны
Запечатывать сургучом.
Оля: Я тебя научу, как сладко
На рассвете встречать закат.
Лена: Я тебе прошепчу украдкой то,
О чем и не говорят...
Тамара: То, о чем и молиться страшно,
То, о чем и думать грешно.
Оля: А еще прошепчу, как важно
По субботам ходить в кино.
Лена: А еще расскажу, как солнце
Обласкало меня, смеясь...
Мефисто: И парил серебристый стронций...
Никольский: Может, правда, жизнь удалась?..

Затемнение.

Сцена 11 (26).

Дворец искусств на Козлова. Персональная выставка Никольского. Туда стекается народ. Публика в вечерних туалетах. У всех в руках бокалы шампанского. Скульптор с повязкой на глазах одет в черный фрак, его жена и дочь в вечерних платьях. Тут же Ольга, которой по статусу не положено пропускать мероприятия такого ранга. В центре зала стоит скульптура, пока накрытая брезентом. Шепот публики. Вспышки фотокамер... В центр зала, к микрофону около накрытой скульптуры выходит Мефисто, он же кот, он же Александр, он же Орловский, он же Павел, он же министр культуры – все детали образа слились в один, и зрителю непонятно, кто же из многочисленных масок Мефисто сейчас на сцене...

Мефисто: Сегодня мы открываем персональную выставку работ выдающегося скульптора современности Владимира Никольского. *(Аплодисменты)*. Здесь собраны практически все работы мастера, сделанные за последние годы. Творец должен быть услышан, а его работы должны стать достоянием народа. В этом смысл любого творчества. Поэтому принято решение украсить скульптурами Владимира Петровича наш город в ближайший год. *(Аплодисменты)*. Сегодня мы не просто открываем выставку и заново открываем художника, мы открываем его последнюю работу - памятник Муррррзику Ивановичу Муррррзику! *(Аплодисменты)*. Самому Большому Муррррзику! *(Аплодисменты)*. Муррррзику с большой буквы! *(Аплодисменты)*.

Но тут микрофон неожиданно отключается, а Мефисто продолжает открывать рот и вдохновенно жестикулировать руками, будто у изображения отключили звук. Через мгновение звук включился вновь, а присутствующие к немалому своему удивлению видят, как министр постепенно превращается в кота.

Мефисто: Мя-у-мя-у-мя-у!.. Мурр-мурр-мурр- мя-у-мя-у-мя-у!.. *(Продолжает он, и закончивает свою речь пронзительным и истошным воем, напоминающим звук пожарной сирены).* Мя-а-а-а-а-у-у-у!!!

Кот кланяется публике, достает из кармана ножницы и разрезает ленточку. Покрывало спадает и открывает голый постамент.

Наступает долгая пауза.

Первым, не без труда, приходит в себя Мефисто. Он медленно подходит к черному гранитному постаменту, обнюхивает его, лижет и смотрит на автора несуществующей скульптуры.

Никольский стоит невозмутимо в черной повязке на глазах и ждет.

Скульптор сделал то, что обещал: изваял памятник Пустоте.

Мефисто. Что это?..

Никольский. Это – выжимки бессонниц,

Это – свеч кривых нагар.
Это – сотен белых звонниц
Первых утренних удар...
Это – тёплый подоконник
Под черниговской луной,
Это – пчёлы, это – донник,
Это – пыль, и мрак, и зной.

Мефисто: Мурррр... А что, в этом что-то есть...

Среди присутствующих послышались первые робкие возгласы одобрения.

Тамара: Очень похоже.

Оля: Особенно уши и нос.

Тамара: Выражение лица схвачено удивительно точно.

Оля. Чувствуется, чувствуется...

Мефисто. Что чувствуется?

Оля. Пчёлы... пыль...и мрак , и зной...

Мефисто. Мурррр... про мрррак – это хорошо... действительно – мррак...

Лена шепотом: Мам, что вы хвалите? Там же ничего нет - пустота!

Тамара, одергивая дочь: Молчи! Ради Бога! Или хвали!

Оля Никольскому: Владимир Петрович, вы... Я знала, я была уверена. Вы - гений!

Мефисто (обращаясь к зрителям). Не слышу бурных, продолжительных аплодисментов, переходящих в овации...

Мефисто забирается на постамент и превращается в Мурзика Ивановича.

Общее оживление постепенно перерастает в ликование и бурные продолжительные аплодисменты.

Мефисто подходит к Никольскому и долго смотрит на него, видимо, решая, как отблагодарить скульптора. Он поднимает руку и все замолкают.

Кажется, наступает момент истины.

Мефисто: Что, Владимирррр Петрррович, страшно? Не бойтесь, я вас не съем. Я никогда не сомневался в вашем таланте. Даже, более того, недооценил вашу смелость. И чтобы исправиться, я сдержу свое слово: вы заслужили награду. *(Мефисто вручает в руки скульптора свёрток, упакованный в целлофане и перевязанный чёрной ленточкой).* Теперь вы ПРОЗРЕЛИ!

Мефисто хлопает в ладоши, сверкает молния, гремит гром и черная повязка спадает с глаз скульптора. Звучит музыка Стравинского «Царь Эдип», финал.

Затемнение.

Сцена 12 (29).

Когда тьма рассеивается, Никольский оказывается один в своей мастерской. Свет слепит глаза с непривычки, словно он проснулся после долгого сна. Хаос лежит перед ним. Скульптор нагибается и видит в куче мусора ярко-желтый солнечный одуванчик. Он берет его в руки и улыбается.

Никольский: Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда...

Скульптор ставит одуванчик в стакан. На столе лежит письмо. Никольский распечатывает конверт и молча читает.

Звучит голос Лены: Я обязательно вернусь. И это главное! Я вас люблю, непутевые мои родители! А пока я уезжаю в долгое-долгое путешествие на скором поезде, с человеком который меня любит и которого люблю я. Ну, вы уже догадались, кто это? Конечно, это Александр! Тот самый. Самый-самый на свете. Не грустите. Я буду писать! Честно-честно...

Входит Тамара в кимоно с живым котом на руках.

Тамара: Володя, а я Мурзика нашла. Он опять сбежал, а я его нашла. Ух, ты какой! Мурзик – сан!.. *(ласкает кота)*. А где Лена, ты не знаешь? Дома ее нет, мобильный отключен, странно. Она ни о чем меня не предупредила.

Никольский: Она уехала.

Тамара: Что за глупости куда я ее никуда не отпускала у ребенка учеба!

Никольский: Она уехала на поезде, в Варшаву с подругой. Учиться. Я ее отпустил. Мне нужно работать.

Тамара: Какая Варшава? Какая подруга Черт, моль полетела. Ну что ты сидишь, как истукан? Лови её! Я искала её гнездо повсюду всё перевернула шкафы полки сухофрукты ну лети сюда моя хорошая это всё потому что у меня шубы нет она пыль жрёт она меня в гроб загонит она шубу мою съест!.. Лови её!!!..

Убегает, догоняя моль.

Никольский, вдруг начинает яростно разбрасывать Хаос по сцене- всё, что попадает ему под руки, - обрывки материи, бумаги, проволоку, весь мусор своей жизни, мешавший ему понять главное, ради чего он родился и увидел этот Свет.

Тамара яростно хлопает в ладоши, гоняясь за молью.

Скульптор разворачивает целлофановый пакет, подаренный Мефисто, и замирает: он держит в руках свою посмертную маску из гипса.

Жена гонится за молью и натывается на мужа.

Тамара: Милый, дорогой, хороший мой, что с тобой??? Успокойся... вот увидишь, ты будешь знаменитым, о тебе весь мир узнает, о тебе напишут в книгах, снимут кино, ты обязательно станешь знаменитым...

Скульптор долго смотрит на свою посмертную маску, затем устанавливает её на станок, ополаскивает лицо водой, говорит спокойно, только тяжёлое дыхание выдаёт в нём волнение.

Скульптор: Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчёркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но поражений от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

Тамара вытирает мужу лицо полотенцем и этим же полотенцем вытирает себе слёзы, которые появились как-то сами по себе, не спросясь.

Тамара: Живым... живым и только... живым и только до конца... Давай купим мне шубу. А?.. (Плачет).

Никольский: Шубу?.. Да, конечно, мы купим тебе самую дорогую шубу... Ты повесишь её в шкаф, обсыплешь дустом, нафталином, розмарином, душицей и вся-вся моль улетит далеко-далеко, и ты отдохнёшь...

Тамара: Мне шубу, Леночка поступит на юрфак, выйдет замуж за Александра, родит нам внука, он будет плакать, кричать, а мы его утешать...

Никольский: Будем его утешать...

Тамара: А ты?..

Никольский: А я буду работать... работать... работать...

Тамара: Господи, хорошо-то как...

Где-то далеко шумит море, и кричат морские птицы...

Звучит песня, которую поют все участники спектакля:

*Сесть в углу несбывшеюся сказкой,
Выть бездомной кошкой в небеса
Оттого, что не меняет краску
Черная слепая полоса.
Проревевшись, грустно улыбаться,
Маску сняв, сложить в пустом углу.
И лицом опухшим прикасаться
К зимнему оконному стеклу.
Поезда любимых не привозят,
Лишь стучат по сердцу невпопад...
Жаль, что зимы нас не заморозят...
Жаль, что все слова перегорят...*

Конец второго действия
ЗАНАВЕС

Диана Балыко
www.dia-blo.net
Латвийская Республика
LV-1050 г.Рига
ул. Гоголя, 7-7
т. Латвия +371 277 22 830
т. Беларусь +375 29 573 3929
т. Россия +7 917 510 5171

e-mail: diana@dia-blo.net, gentledi@tut.by